

Ричард Мак Борн
Парадокс Тьюринга

Ричард Мак Борн

Парадокс Тьюринга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61646273

SelfPub; 2020

Аннотация

Специалиста по экологии чужих планет откомандировывают на научно – исследовательский глубоководный комплекс для сбора данных о нелепой смерти одного из дельфинов научной группы. Попав на Станцию главный герой сталкивается с непониманием экипажа и весьма странными нелепостями и противоречиями царящих там. И только профессиональная обязанность заставляет его докапываться до истины. Но открывающаяся истина далека от предложенного рядового задания...

От автора.

Повесть является посвящением светлой памяти талантливого украинского писателя – фантаста, Александра Тесленко, и его творчества. А так же, одному из любимейших его персонажей, биокиберу Дьондурангу.

– Безумие было бы спасением. Если бы он хоть на минуту поверил, что сошёл с ума, он не поступил бы так...

С.Лем. «Солярис».

Гул, рокот...

Однообразный, монотонный, словно идеально синхронизированный под точно размеренный ход метронома, шум набегающих на берег волн. Влажный и порывистый ветер, настойчиво треплющий ветровку, с непоколебимым желанием её сорвать. Он неистово прочёсывает мои волосы наполняя их солёной жёсткостью. Но всё это несколько не беспокоит меня, а всего лишь предвосхищает. И беловатая дымка горизонта открывающаяся во всей своей обозримой необъятности, до сих пор продолжает вызывать во мне откровенное восхищение.

Не знаю, может быть, я в очередной раз ошибаюсь, пре-

даваясь глупому чувству меланхолии. И, скорее всего, кто – то небрежно бросит сказав, что всё это не так, а совершенно иначе: проще, привычней и обыденней. А невероятный вид открывающегося бескрайнего водного пространства в нем станет откликаться совершенно по – иному, прозаичней. Вполне возможно, что и такое виденье имеет право быть, но только у других. Для меня же подобное впечатление уже весьма долго остаётся неизменным, основанным на простом ожидании. Ожидании того, чему должно произойти, но по разумности рассудительной логики, вряд ли может свершиться. Но именно наивная надежда, незримо перевоплотившаяся в непогрешимую веру, привела меня в конце концов, к этому заветному месту.

Самые яркие воспоминания уже лишь изредка посещают опустошённую временем память. Остались только несколько сцен наполненных совершенно глупыми мелочами и не столь значащими именами. То необъяснимое и мало определяемое, что последовало после нашего с Бертом прибытия на Гекату, воспринимается теперь как должное, особым, сознательным образом выстроенных заранее событий. И то, что многие, после отчётов и следствия, попытались назвать случайностью, или непреднамеренным чудом, я с упорством фанатичного приверженца попытался опровергать, ещё не ведая истинной подоплёки. Ведь став невольным свидетелем особых происшествий, я лишь спустя годы заметил, что разумные сомнения, заполнявшие моё сознание, разрушались

под напором иррациональности произошедшего. А их место начала заполнять необъяснимая для самого себя убеждённость.

Вынужденное одиночество в течении весьма долгого времени стало явным свидетелем и истинным помощником мне в том. Оно не опустошало, а только лишь дисциплинировало всю внутреннюю суть. Потому, наверное, я всё ещё остаюсь здесь. И всего только несколько часов в стандартный месяц, мне выпадает возможность провести на поверхности планеты, наслаждаясь видом океана, и с наивным чаянием поиска заветного берега. Ожидание же долгожданной встречи становится мне подмогой и стимулом в том.

Когда – то, по собственной прихоти, поступив смотрителем орбитального маяка «Стеллар», я вот уже на протяжении около сорока стандартных лет с честью и профессиональной выучкой неукоснительно и чётко соблюдаю свои обязанности. Работа, отнюдь, не тяготит меня, заставляя проделывать каждые местные сутки одни и те же проверки и плановые включения оборудования. Ведь это даёт мне возможность оставаться там, где я могу себя чувствовать более необходимым, а это значит, на сколько можно максимально, счастливым. И, наверное, именно от этого понимания, часто предаваясь размышлениям о истинном своём предназначении, я всё ещё не теряю надежды.

Как по мне, Тиамат, оказалась умеренной, но не совсем спокойной и благоприятной планетой. В её годовом цикле

выпадает всего несколько, относительно, погожих дней. Однако же, весьма мрачных и неприветливых, словно затянутое в утренней мгле солнце в бархатный сезон. Но от этого красота планеты лишь преобразается, открывая взгляду прекрасный и совершенно нетронутый простор. Укрытая густотой постоянных туманов из – за своих множественных вод, покрывающих практически всю поверхность, Тиамат тревожно дремлет под продолжительными ливнями и плотным облачным покрывалом. И всего только несколько раз в году, на каких – то тридцать шесть стандартных часов, отстраняется от дождевого безумия. Её лик немного проясняется, являя на свет действительность здешнего мира, живописного и прекрасного в своей простоте. Видимо это стало одной из тех причин, которые затащили меня сюда. Какой резон видела в этой странной и малопривычной планете администрация ВС, мне не совсем ясно. Отдалённая от многих централей и обладая мало сырьевой базой, Тиамат буквально отталкивала от себя атмосферной капризностью. Разве что затерянная планетка могла с гордостью кичиться своей кислородной основой. Стараться же вникать в глобальные чаянья членов Высшего Совета по поводу а – ля Венеры Сверхдального Экстerra, я не особо хотел, довольствуясь той ясной мыслью, что мой поиск, наконец, завершён.

Когда впервые, после ситуации на Гекате, мне попались голографические зарисовки, доставленные экспертами экспедиционной комиссии с «Золотой осени», то я не сразу смог

углядеть некий нюанс. А то единственное портретное фото, с незатейливой и многозначительной фразой: «Ждём!», которое непонятно каким образом оказалось среди дополнительных документов, и не имевшее никакого отношения к прибывшим, уже навсегда озадачило и зачаровало меня.

Насыщенно бирюзовая синь уводящая взгляд к бесконечно далёкому и расплывчатому горизонту. И сотни поблёскивающих спин морского народа, мерно направляющегося огромным стадом к ведомой только им цели. А на переднем плане двое хорошо знакомых лица с открытыми и скромными улыбками. Меня ещё долго преследовала этот завораживающий пейзаж. И уже находясь здесь, я всё пытался угадать ракурс сделанного снимка, прекрасно зная, почему и зачем мне это столь необходимо. Ведь то, что запечатлели в своей памяти разведывательные сателлоиды было однообразной мишурой. Все фото – кроме одного, с совершенно банальной картиной высокого берега и блестящей глади океана. Но именно в нём я увидел то, что стало для меня знаком, посланием из прошлого, превращаясь из блёклой надежды в принципиальную уверенность.

Данные Архивных документаций Космофлота на «Стелларе» попросту недоступны, и я стал ракурсно подбирать пейзажность запечатлившуюся в памяти, по возможности, делая визиты – высадки на поверхность, прекрасно помня, что видел на том самом снимке. И нестерпимо стремился именно сюда, в поиске заветного берега. Я настойчиво и

безнадежно искал, ожидая долгожданной встречи и пытаюсь разгадать послание.

Настал ли уже этот час?

Надеюсь на это...

1

То, что мне пришлось буквально выволакивать его из Института Экспериментальной Бионики (ИЭБ), чтобы добиться необходимого результата, а именно, вовремя собраться и успеть на транзитный транспорт, совершенно не было виной Берта. Он же, как водится, занимался совершенно привычными делами нашего сектора, по проверке мнемонической памяти. Времени оставалось совсем в обрез, впрочем, как и всегда во внештатных ситуациях. Причина подобного просчёта была до наивности незатейлива и лишена какой – либо сложности. В ней явственно не проглядывалась обычная небрежность начальственных мужей нашего отдела Ксеноэкологии при УКП, по отношению к актуальной значимости, внезапно возникшего дела. И даже, не явный недосмотр рядовых диспетчеров, ускоренно составлявших разводку маршрутов космотранспорта в ближнем Феротерре Земли. Став результатом скопления малотоннажных «линеек» и непредвиденного выхода из Дальнего Экстерра модульного гиперсветовика, это нисколько не помешало экстремному подъёму кабины орбитального лифта к кольцу «Ленты».

И только лишь простая и строгая необходимость в исполнении предписаний и правил в неотложных случаях заставляла нас самих торопиться с максимальной поспешностью.

Так вышло, что нашим перевозчиком оказался транспорт с громким названием «Степной волк» уже висевший на орбитальном радианте, готов был в ближайший час выходить напрямую стартового коридора к гиперпозитационному трассеру. Капитан данной посуды, лишь единожды связавшись со мной, совершенно флегматично заметил, о дефиците времени и отсутствии заинтересованности в преднамеренном ожидании «двух довесков». Вот именно так!

Я старался не обижаться на Берта, и только нещадно подгонял его, прекрасно понимая его нерасторопную поспешность. Ведь это была одна из главной составной его натуры. Стоило признать, что ребята на лабораторных стендах постарались весьма не плохо. Однако же, они совершенно упустили из вида физические качества, уж как – то позабыв вписать их в алгоритмику генной структуры. На выходе, Комбинат Биомоделирования, выдал достойный результат, но только оказавшийся полезным для интеллектуальных изысканий. Берт был настоящим биохомом, а не машиной, как многие андройды, имея совершенно особую специфику, совсем не свойственную иным биокиберам подобной серии с новой программной спецификой. Но относиться к нему, как к полноценному человеку мне мешала естественная снисходительность. Истинная суть дела здесь не в архаичном хан-

жестве, где превосходство человека возносится в главенствующий приоритет и ранг Создателя над собственным творением. Всё обстояло куда как более рационально, объясняясь уже давно укоренившимся техническим допущением наших предков. Ведь отвергать необходимость космических перелётов или жизненную важность Интеллектуальных систем, не так уж логично. С биокиберами такая же история: они стали частью жизни людей и уже вполне вольготно там себя чувствовали. И именно тут стоило особо выделить БР – 3, коротко Берт, как его прозвали ребята, из множества себе подобных произведений как Комбината, так и творческого гения нашей лаборатории.

Огромнейший полукилометровый транспорт, максимально загруженный всем, что так жизненно необходимо дальним поселениям, уже проводил прогрев двигателей и выводил мощности своего реактора на первичный уровень. Это хорошо было заметно по багровеющим от температуры заслонкам, прикрывающим громадные дюзы китообразного балкер – спитса. Несколько разгонных туеров состыкованных с корпусом «Степного волка» сверкали короткими вспышками топливных выхлопов, словно перемигиванием сигнальных огней. Пилоту нашего челнока стоило особых трудов и мастерства, чтоб не только договориться со злощастным капитаном о свободном причаливании, но и догнав убегающее судно пристыковаться к аварийному шлюзу. Тёплого приёма я уже и не ожидал. Более того, весь путь к

нашей временной дислокации по узким и бесконечным переходным коридорам балкера сопровождался лишь световыми указателями, гаснущими сразу же за нашими спинами. По окончательному прибытию на забронированное для переброски место открывалась поразительная и удручающая картина. Оказывалось, что практически весь экипаж, всего шесть человек, теснился в нескольких десятках квадратных метров жилищно – бытового яруса. Остальное отводилось под груз, да ещё при том и сверхнормативно. Благо, медотсек в котором, по странности и планировке находилось несколько гибернационных капсул, – а если быть более точным, то всего три – не был ни кем занят. Штатный фельдшер отсутствовал, зато его должность совмещал с особой неохотой суперкарго, специализировавшийся на распределении негабаритных масс. Впрочем, само наше прибытие не должно было причинить особого стеснения экипажу. Всего на пятидесяти стандартных дней нас помещали в анабиоз для особой необходимости и внутрикорабельной регламентированности. И протащив через несколько портов трассеров гиперпозиции, меня и Берта, с лёгкостью и одухотворённостью выполненного долга, необходимо было сбросить посадочным модулем у самой орбиты Гекаты.

Так всё и вышло, не давая никому из нас двоих времени для осмысления и лукавости сомнений в истинности и необходимости вояжа к далёкой планете. Материалов задания, которое нам было вручено, оказалось совсем немного, уме-

щаяся в коротком тексте предписания всего на одном листе. Его, по прибытию, я должен был передать начальнику исследовательской станции, как свидетельство наших особых полномочий. Так же прилагалась пояснительная записка, относящаяся лично ко мне, но имевшая непосредственное отношение к Берту. И это я воспринимал совершенно нормально и без особых эксцессов. Ведь мне хорошо была известна его целевая установка экспериментально забазирующаяся в геном биохима ещё в Институте. А предполагаемые практическая специфика применения биокибера оставалась открытой и весьма относительной.

Вся та информация, которая взращивалась в физиопластической структуре Берта пока только лишь апробировалась и подлежала сомнениям и строгим проверкам. То, что ребята мудрили на испытательном стенде с введением нестандартных справочных массивов, по началу лишь вызывало между нами, то смех иронии, то злобные шуточки. Но мы продолжали действовать, подчиняясь простой обыденности и рутине работы, а все бесшабашные идеи и полная свобода в возможности их воплощать, становились плановой необходимостью.

Принимая всё это во внимание, я прекрасно понимал не столь уж и скрываемую, суть своей внезапной командировки с Бертом, на Гекату. Случай произошедший там не вызывал особых подозрений, да и был не из разряда криминальных. Мои опасения относились только к яркой и скоротечной

настойчивости самого начальства ИЭБ и прикрепившемуся каким – то непонятным боком к этому делу ОИР Космофлота. Чем могла заинтересовать, и уж тем более обеспокоить, отдел Исследования и разведки, внезапная смерть штатного афалин – работника по кличке Монах на мало значимой лабораторной Станции, я понять не мог. Далёкая планета, с широкими, можно сказать бескрайними водными просторами. Вода на Гекате занимала более 90% всей поверхности, и потому именно эта планета стала так привлекать наших функционеров. Перспективы разработок подводных поселений подогревали чьи – то интересы в Высшем Совете, так что в глубины океана Гекаты опустили, пока только изначально, одну научно – исследовательскую добывающую станцию, снабдив её первоначально около десятка учёными и ихтиологами. При этом отдав им в подчинение несколько малочисленных отрядов батинавтов. Подобные исследования вполне возможно было благополучно проводить и на Земле. Зачем же стоило загонять несчастных трудяг научного фронта в такие дали на просторы чужих вод?

Из материалов, которые я перечитывал несколько раз ещё в посадочном челноке на подлёте к выдавшему виды «Волку», становилось всё предельно ясно и выразительно очевидно. Внезапная трагедия свершилась в весьма узком и замкнутого мирке глубоководной станции, находящейся в океане и обозначенной на водной поверхности малым понтонным бакеном с кабинкой суточного дежурного. Весь экипаж состоял

из коллектива количеством в пять человек солярно – земного типажа и группы дельфинов – афалин из трёх особей. Вся произошедшая драма закончилась и не начавшись, ограничившись суицидальным выбросом на песчаный берег одного из дельфинов. Монаха нашли только на вторые местные сутки, в двенадцати метрах от полосы прибоя, уже мёртвого и совершенно иссохшего. Мне же необходимо было выяснить некую эмоциональную составляющую психологической атмосферы Станции и её обитателей. Такая причина отправки ксеноэколога на затерянную в пространстве Сверхдального Экстerra планетку ещё можно посчитать оправданной. Но вот относительно Берта в приписном листе Дела стояла совершенно расплывчатая резолюция: «Статус эксклюзивного наблюдателя с разрешением допускать аналитические выводы на основе интегрированных экспериментальных знаний. Предоставить действовать самостоятельно.».

Привлекать к сложным коммуникативным ситуациям представителей искусственного мышления уже было довольно распространённой привычкой среди многих служб человеческого общества. Биохомы очень быстро становились прекрасными помощниками практически во всех сферах нашей жизни, и космос небыл тому исключением. Справиться с подобным заданием легко мог бы и иной биокибер, прошедший в нашем Институте информационную инициацию. Для чего понадобилось прерывать наши с ребятами эксперименты, стоило только строить совершенно пустые и лишние

предположения.

Конечно же, становилось ясным, что служба Безопасности считала своим долгом полностью откеститься от предложения посетить Гекату. Даже от совершенно прозрачного совета ознакомиться с фактами происшествия официалы Службы с улыбкой уклонились. Им ли разгребать чувственные и эмоциональные перипетии, которые скорее всего бытуют на Станции, и приводят псевдоразумные существа к «спонтанным несчастным последствиям». И возражать подобной формулировке не имело никакого смысла, лишь смиренно подчиняясь администрации Всемирного Совета, требовавшего ясности, точности, исполнительности, а главное – последовательности в исследовательских изысканиях чужих миров. Вот тут игодились мы, ксеноэкологи с уклоном в психокорелляцию.

Вообще – то, вся наша служба построена на не весьма простой задаче составления алгоритмов для двух и более самостоятельных величин, проходящих взаимодействие в различных условиях иных планет. Но востребованность в профессии, которой принадлежу и я, остаётся не столь уж высокой. Многие из нас пополняют своим присутствием провинциальные терминалы и порты планет Солнечной системы. Изредка, кого можно встретить в небольших вахтовых коллективах форпостных баз, где – то на задворках обитаемого Пространства, или в секторе Крайних звёзд. И, конечно же, мало кому выпадает счастье работать в Даль – развед-

ке, украшая своим присутствием коридоры и бытовые ярусы флагман – рейдеров Космофлота, где – то в безумных дальях нашей Галактике, на подступах к неведомым планетам. Мне же повезло чуть меньше, чему стоило откровенно порадоваться. Удостоившись попасть напрямик в ИЭБ, к ребятам, занимающимся нейронно – синапсным программированием, я смиренно предпочёл неторопливую и изначально казавшуюся, совершенно скучной, работу. Затянувшаяся по времени рутина поглотила меня настолько, что теперь я с каким – то неясным для самого себя содроганием воспринимал резкие изменения своего порядка жизни, вроде вылета в Дальний Экстерр, к поясу Койпера. Все эти надоедливые передраги с подробными инструктажами от спецов, налагаемые на тебя излишние обязанности в технике безопасного поведения в открытом пространстве очередного планетарного экзобъекта, просто утомляли. А утомляющие изучения пособия пользования скафандром, вообще выбивало меня из стабильной колеи бодрого настроения, вгоняя в трепет и панику. Нет, уж лучше быть там, где ты себя особо комфортно и приятно ощущаешь, оставаясь, пускай и незначительно, необходимым, чем ради интереса, пытаться разглядывать через прозрачное забрало сдавливающего гермошлема солнца и звёзды далёких миров.

Берт был совершенно другим, радикально отличаясь от меня. Он скорее всего напоминал ребёнка, открытого и задумчивого, постоянно флегматично настроенный ко всему

вокруг. Но при этом восприятие его оставалось на удивление непосредственным. Скажем, весь смысл и процесс пребывания в гибернационном сне, по моим объяснениям, он переложил для себя в миф о обретении Небесного Иерусалима. Пускай так, но только бы не иметь лишних проблем с подключением анабиозной камеры и уговариванием любопытствующего биокибера по поводу долгого искусственного сна. Стоило, конечно, взять на заметку подобную недоработку с конкретизацией простой человеческой функции. А глупейший теологический финт наших умников припомнить после возвращения. Но на тот момент я желал поскорей опуститься в благодатные объятия Морфея, стараясь не мелькать перед угрюмоватым фельдшером – карго, чтоб оставить о себе хоть немного приятного впечатления.

2

На Гекату мы прибыли, как раз вовремя, соблюдая все положенные сроки переброски. И на нашу удачу, в районе высадки уже наступил местный полдень. Во мне начинал разгораться слабый огонёк надежды, что вполне возможно, мы сможем узнать на вкус изобилие настоящего гекатского гостеприимства.

Посадочный модуль, который любезно выделил нам для отправки восвояси капитан «Степного волка», нырнул сквозь прозрачную завесу атмосферы и завис над крохот-

ной платформой причала бакена. По габаритным и тоннажным особенностям он никак не смог бы опуститься на совсем незначительную поверхность плавучей конструкции, способной удержать на себе разве что небольшой флаинг. А потому, нам с Бертом пришлось выпрыгивать из шлюзовой двери, постоянно меняющей высоту относительно понтонов. Когда модуль наконец – то приобрёл долгожданную стабильность, мы скинули вещи и прыгнули с метров, эдак, шести, на безумно качающуюся поверхность хлипкого морского сооружения. Морозящая взвесь, поднятая вертикальными потоками вспомогательных двигателей, обильно покрывала нас влажной пеленой, не давая спокойно осмотреться вокруг. И всему этому безумию вторил оглушающий бас, который выкрикивал пошлые ругательства на несчастные головы всех прибывших.

Модуль немного накренило на правый борт, снося в сторону. Затем затянулись в корпус зазря выпущенные посадочные ступоходы и уже включив подъёмную тягу, чуть на отдалении от платформы, модуль ушёл к балкеру.

– Чего вы там расселись?! Бегом наверх!.. – прохрипел уже знакомый голос.

Но поднятая действиями двигателей волна вновь закачала под нами понтоны платформы. Нам с Бертом опять пришлось распластаться на мокрой и холодной поверхности.

– Почему этот человек такой возбуждённый?

Вот именно сейчас настало тот самый момент, чтоб зада-

вать идиотские вопросы и забивать ими мне голову! Спасибо, Берт, ты великолепный напарник.

– Скорее всего потому, что его не весьма вовремя разбудили, – с сарказмом пробурчал я, поднявшись и стараясь удерживать равновесие.

Оглядывая платформу необходимо было найти наши вещевые кейсы: не вышвырнуло ли их в воду? Но всё было нормально – биокибер уже держал два металлизированных прямоугольника в руках надёжно стоя на ногах. Прямо над полупрозрачной кабинкой – кокпитом сторожевой башни нагло висела вывеска с весьма крикливым лозунгом на солинге: «Земля». Надпись, сделанная ярко малиновым цветом, скорее означала не саму планету, а несла определённую смысловую нагрузку в номинальном обозначении плавучего бакаена, как суши. Местное солнце припекало и по насыщенности беловато – жёлтого света чувства шептали о том, что скорее всего мы прибыли обратно на родную планету, где – то в тропики.

– Ну что, пошли. Видишь, куда нас занесло... – я кивнул на вывеску.

Берт с улыбкой прищулив один глаз смотрел по указанному направлению.

– Это больше соответствует повсеместному обычаю людей давать привычные и противоречащие здравому смыслу названия всему, что они считают для себя утилитарным, – вынес он свой вердикт.

– Берт, прекращай умничать. И не позволяй себе подобного при хозяевах здешнего обиталища.

– Постараюсь, раз ты так просишь.

Мы зашагали по направлению к рабочему помещению ба-кена. Обряженный в майку истлевающего оранжевого цвета, рассерженный бородатый человек угрюмо сверлило нас настороженным взглядом через смотровое стекло башенки. Кротко приподняв свои глаза вверх, я приветственно и коротко кивнул ему. Странно, но ответной реакции не последовало.

– Твоя покладистость, конечно же, радует. Но только не стоит делать мне одолжения. Запомни главное: мы здесь для того, чтоб получить чёткие результаты, а не одобрение, – мы уже стояли около вертикального трапа. – С ситуацией ознакомишься по ходу дела. Прости, – я забрал у него свой кейс упорно не отрывая взгляда от глаз биохома, – но таково было распоряжение вышестоящего начальства.

Неприятный холодок заструился у меня внутри после этого. Поднимаясь по неудобным ступеням и стуча коробом о метал поручней, я всё ещё видел перед собой лицо Берта, такое открытое своей наивностью и прямодушной наивностью. Хотелось бы, чтобы всё прошло спокойно и как можно лучше, без всяких проявлений непосредственности ещё «незрелого» биокибера. А наш отлёт стал бы прекрасным событием для аборигенов здешней «Земли», в положительном понимании этого. Ведь возиться мне с Бертом на Гекате пред-

стояло целых полторы недели. Если же быть более точным, то десять стандартных дней.

– Не беспокойся, Макс, я всё прекрасно понимаю. Только есть один незначительный нюанс, или особая просьба. У меня там, – он указал на кейс в моей руке, – находятся некоторые материалы для загрузки. Ребята очень старались, но не успевали к окончанию по срокам. Предупредили, что это необходимо для полного завершения по программе «Мнемозина».

– И это как –то влияет на наш визит сюда?.. – вырвался вопрос у меня. Не доставало ещё того, чтоб просить помощи у обитателей подводного островка в налаживании информационно – загрузочного оборудования для биохома. А ведь он был не простым кордом, и на «раз – два» его просто не подключишь.

Прочитав бирку на крышке, я сразу же обменялся с Бертом перепутанными кейсами.

– Здесь особая информация автономной концепции индивидуального обучения. «Мнемосина» должна быть загружена полностью.

– Ладно, позже об этом поговорим. Пока я не очень понимаю смысл всей этой затеи. Да и причины замалчивания. Вернёмся, я всё выясню и кто – то из них получит по загривку.

Берт только с улыбкой пожал плечами.

Узкую дверцу пришлось открывать по старинке, дёргая и

поворачивая округлую ручку. Дверь как-то уж неожиданно заскользила во внутрь помещения, при этом поворачиваясь в сторону.

– Вы опоздали...

Хозяин помещения стоял к нам спиной и наклонив голову что-то просматривал у противоположного окна. Крепкие, отдававшие сияющей белизной ноги словно два столба выглядывали из шорт неясного цвета.

– Разве?! Транзитный балкер вышел по расписанию и, кажется, нигде не задерживался.

Я для проверки припомнил дату, зафиксированную ещё сегодня на борту «Степного волка», на числовом табло в медотсеке. Мог ли я, что-то напутать, или недоглядеть? Думаю, что – нет, совершенно не жалею о памяти и внимании.

– Вы опоздали, – настаивал человек. Теперь было очень заметно, что майка вылиняла лишь местами, превращаясь в пятнистую тряпку. Мужчина повернулся, оставаясь на месте: – Вчера было бы ещё вовремя.

– Как вы понимаете, это не наша вина, – я подошёл к нему в плотную протягивая руку. – Макс!.. То есть, Максимилиан Ковальский, ксеноэколог.

Незнакомец чуть поморщился, обошёл меня и направился к Берту.

– Какого чёрта нам присылают спеца по экологии дальних миров, когда здесь есть свои? И ничуть не хуже. А может,

даже, и лучше... Да ещё и куклу с собой притащили. – Угрюмый хозяин бакена с явным отвращением осматривал биокибера. – Чем вы будите здесь заниматься?

Он резко рванулся к небольшому столу собирая на нём что – то.

– А вы, собственно, кто? Представились бы для начала...

– А он – кто? Зачем здесь понадобились ещё два... научных работника? В Управлении что, эпидемия глупости началась?

– Похоже, что нам с вами будет тяжело сойтись характерами.

– Похоже... Вас, наверное, вызвал сам Фаллада, вот с ним и будите сходитьяся.

Мужчина продолжал заниматься начатым и натужно молчать.

Говоря откровенно, такого приёма я совершенно не ожидал. Повернувшись и ища дружеского взгляда Берта в виде моральной поддержки, я расстегнул куртку и достал жетон.

– Простите, скорее всего, стоило начать с этого. Вот здесь предписание... Нас откомандировала администрация УКП сроком на десять дней.

– Я до безумия рад, – с явным сарказмом ответил мужчина. Нагнувшись он взялся за лямки какого – то ранца. Потом взгляд его стал немного лояльней: – А это ваше предписание предоставите Старику. Лично и самостоятельно. Он – главный, я всего лишь глубоководник. Не моё это дело на бакене

торчать сутками.

Подойдя к округлому люку, врезанному по середине комнатки, он дёрнул короткий рычаг открыв его.

– Так что нам делать? – наблюдая как хозяин бакена совершенно игнорируя прибывших гостей начал спускаться, я немного опешил.

– Не знаю. Хотите, можете оставаться здесь, а желаете попасть на Станцию, тогда следуйте за мной.

Весёленькую, выпало, встретить компанию! Небольшая трагедия с дельфином могла обернуться совершенно различными, и отнюдь, не положительными, сценариями как для самих обитателей подводной лаборатории, так и для нашей миссии. Мне не хотелось гипертрофировать и преувеличивать, но если весь остальной контингент Станции пребывает в подобном настрое, чего стоило ожидать далее.

Похлопав одобряюще Берта по плечу, я направился за встретившим нас. Моя совершеннейшая непригодность к трапам сыграла грубую шутку – мои ноги проваливались в неизвестность меж перекладин по самые колени. Кейс противно и громко тарахтел о металл поручней трапа.

– Для кибя место в «Лошадке» нет. Так что вам придётся потесниться. Потерпите, надеюсь?!

– Что делать, раз это необходимо.

Глубоководник недовольно покачал головой и подойдя к релингам ограждения, опустил ранец и начал развязывать узел верёвки.

– Почему вы сказали, что мы опоздали? Разве на Станцию не прибыла космограмма?..

– Я уже двадцать два часа здесь маюсь. И только для того, чтоб перевести двух сухопутных... Хотя речь шла только об одном.

Мы вышли из – под козырька платформы сторожевой башенки.

– Это не моя прихоть взять с собой биокибера. Вы же прекрасно понимаете, что мы такие же подчинённые, как и вы.

– Понимаю. Потому меня это не весьма успокаивает, скорее, наоборот. Здесь необходимо присутствие специалиста по социальной коммуникации, а не простой научный работник.

Мы прошли вдоль прямоугольной двухметровой площадки с деревянным настилом к релингам, которые ограничивали доступ к открытой воде. Рядом покачивалась на волнах фигурная плоскость, силуэтом очень напоминающая флаинг – машину для атмосферных полётов. Блеск омываемого покрытия слепил время от времени глаза.

– Почему? – я остановился около глубоководником буквально нависнув над ним. – Служба правопорядка сразу же отмежевалась от дела, узнав о суициде дельфина. Тем более на планете Сверхдального Экстерра. Просто это совершенно не их профиль, – с облегчением констатировал я. – Вот и направили нас...

– Ну и вопросыки у вас, совсем не по статусу, – он выпря-

мился – Лады. Теперь живее прыгайте на глайдер. Только осторожно – очень скользко из – за воды. Я сейчас открою люк.

Не ожидая моих и Берта неуклюжих действий, он тут же перелез через поручни и прыгнул на спину плещущейся машины. Ловко перетянув ранец он с особым изяществом оказался около люка, открыл его и опустил в машину поклажу.

Весьма непривычно это было спускаться на постоянно опускающуюся под тобой хлипковатую поверхность, при этом в любой момент способную резко взбрыкнувшись подло скинуть тебя в тёмную неизвестность. Я с трудом преодолел свой страх становясь на корпус «Лошадки».

– Роллан, батинавт Станции, – глубоководник схватил меня за локоть для поддержки. Подтянув к уже открытому люку, он продолжил: – Я не зря сказал, что вы уже опоздали. Когда прибудем на место, сами всё поймёте.

Он, взяв кейсы у Берта, опустил их мне и сам тут же прыгнул вниз, грубо отталкивая в сторону чтоб забраться в кресло водителя. Как видно его вежливость к нам, а особенно к биокиберу, ограничивалась только словами. Роллан не дожидаясь спуска Берта в кабину уже включал моторы.

Все мои мысли и соображения по поводу прошедшей встречи и личности самого Роллана, были весьма односто-

ронные и пристрастные, слишком зависимые от первого впечатления после знакомства. Назвать себя профессиональным психологом я не смел, чтоб строить на основе наблюдений, телодвижениях и физиогномики аналитических теории о проблемах пациента. Мне вполне хватало обладать оперативным количеством тех знаний, в которых были основные идеи и концепции о влиянии чужой экосистемы на психо – физиологию людей, её способность не только изменять их эмоциональное состояние, но и преобразовать жизненные циклы. Мнить себя первоклассным специалистом я не старался с особым рвением, прекрасно осознавая, что вся моя практичность осталась в лабораториях Института на Земле. И ограничивалась она простой помощью научному составу в доработке проектных заданий или написанию адаптивных программ с вводом случайных и предполагаемых алгоритмов. Я начинал теряться в предположениях о том, что могло задумать начальство моего отдела в нелепой связке с ОИР Космофлота, да ещё делая явный и недвусмысленный упор на ИЭБ. А противоречивая и подозрительная таинственность самого Берта, с его замалчиванием и абсурдностью оправданий по поводу окончания Проекта. И где, в помещениях какой –то глубоководной Станции, на просторах затерянной планетки? Нонсенс!..

Постаравшись отключиться от навязчивых мыслей, я постарался сосредоточиться на дыхании. Почему – то голова начинала болеть всё более. Сильнее ощущался странный

шум и давление на уши. Батинавт сидя за гашетками управления постепенно опускал глайдер на всё большую глубину. Теперь уже немного спокойней он посоветовал не сильно волноваться, и дышать спокойней. На станции нас уже ждала уютная декомпрессионная камера, в которой нам необходимо было провести не менее трёх с половиной часов. Моя попытка возмутиться закончилась болезненным ощущением в суставах и спине – находиться втроём в компактном двухместном глайдере действительно было неудобно. Но как я заметил, такие условия ничуть не влияли на стабильное состояние биокибера.

Маясь от скуки, я старался разглядеть в двух обзорных лобовых экранах, заменявших собой иллюминаторы, хоть что – то интересное. Но кроме изредка освещаемой мутности ничего видно небыло. Щёлканье, треск и пищание приборов, переменные включения двигателей и переговоры батинавта с дежурным, скрашивали для меня наше скучное погружение. Его грубоватые реплики о своих пассажирах, словно мы напрочь отсутствовали на борту «Лошадки», были уже не столь витиеваты. Потом последовало распоряжение приготовить к прибытию декомпрессионную камеру.

– Скажите, Роллан, что стало с телом... Монаха? И как объяснили его смерть?

– Его касатки загнали из – за нападения на охраняемые косяки. Повадился, бедняга Монах, таскать рыбу на фермах. Будто у нас её было мало, – уже угрюмо закончил гидронавт

– глубоководник. Потянувшись вправо он нажал пару клавиш на приборной доске. – Это Элин с Филиппом во всём виноваты! Если б не их дурацкие склоки друг с другом, то ничего бы и небыло. А так... Ерунда какая – то, ей богу.

– Чего небыло?! – весьма неожиданно и на удивление, совершенно спокойно, спросил Берг.

Не отпуская гашетки управления Роллан подозрительно обернулся.

– Ну, знаете ли... – с презрением хмыкнул он. – Сами, потом, поймёте. Фаллада, не удержится и выложит перед вами всё моментально, перевернув с ног на голову.

– А к чему скрывать что – то? – начал я. – Ведь мы для того и прибыли, чтоб выяснить обстоятельства происшествия и установить истину.

– Зачем?! Сделать ещё хуже подливая масло в огонь. По – моему, пусть лучше само уляжется. Нет в этой истории ничего. Да и не было. А если брать по большому счёту, то...

Протянув задумчиво последнее слово, будто в нерешительности. Говорить ли остальное, Роллан замолчал.

– То?! – вновь спросил Берг.

– Вам не стоило сюда прилетать. Всё равно вы опоздали. А вот агенту СБ посетить наш район стоило бы.

– Почему? – моё любопытство стала переходить в волнение. На Станции что – то происходило непонятное. И эта непонятность сквозила в саркастических и красноречивых намёках одного из её членов команды. – Роллан, вы посто-

янно говорите пространными фразами о угрожающей эмоциональной атмосфере внутри коллектива. А произошедшее ЧП с дельфином начинает выглядеть, как многозначительная трагедия. Что у вас там происходит, в конце концов?! К чему нужна эта поддельная таинственность?!

Батинавт, молчал, перестав поворачиваться к нам с Бертом, реагируя на реплики. И лишь изредка нервно подёргивал, словно поправляя, небольшие наушники с усиком микрофона.

– А у вас другие вопросы есть? Уж слишком часто задаёте одно и то же. Формулировочка прихрамывает.

– Я стараюсь быть лояльным ко всему. И к вам, в частности. Вы же начинаете играть в намеренную таинственность, которой скорей всего нет. Или, просто, надуманна.

– Не знаю, может быть в действительности всё так и есть, как вы говорите. Но это ведь только предположение. При всём том, что вы ещё небыли на «Медузе». – Он вновь замолчал. – Хотя, – Роллан тяжело выдохнул, – стоило ли...

– На Станции ещё что – то произошло?

– Как сказать... – батинавт уклончиво покачал головой. – Конечно же, жаль Монаха, – с сожалением и бравурно произнёс Роллан, словно забыв о моём вопросе. – Только говоря откровенно, постарайтесь никому не доверять на «Медузе». Мы так зовём нашу Станцию. – И, тут он обернулся: – Может оно и к лучшему будет.

– И вам тоже? – кинул Берт.

– Смышлёный у вас киб, – хмыкнул Роллан.

– Это биохом, биокибер по – старому. У него прекрасная гено – биомная структура и модифицированный мозг. Экспериментальное творение Инканского Комбината Биомоделирования, бывший, когда – то, Биокибернетики. Можно сказать, достойный Наследник славноизвестного Дьондюрага...

– Можете не стараться ублажать мои уши. На Станции ещё трое таких же как вы умников имеются. Вот с ними и наговоритесь. Нарассказываетесь до не могу. А сейчас – просто, ждите и готовьтесь к выходу.

Роллан начал заниматься приборами и налаживать связь с «Медузой». Буквально через несколько минут мы всплыли в ангар и жёстко причалили. Да так, что я надсадно охнул, пытаюсь удержаться из – за небольшой болтанки о спинку кресла водителя.

– Вылезайте! Всё тем же макаром, что и залазили. У шлюза подождёте – выходить сразу опасно. Рядом есть лифт барокамеры, вот на нём и будем добираться, – Роллан скинул наушники и уже в вдогонку, крикнул: – Ничего там не трогайте! Сам всё сделаю.

Выбравшись на небольшое полукольцо причального пирса я с откровенным интересом начал оглядываться, рассматривая внутренний интерьер Станции. Мне ещё ни разу в жизни не доводилось бывать в подобных местах. И уж тем более, на такой глубине. Повернувшись к покачивающейся

в бассейне воде, где спокойно покачивался глайдер, я постарался разглядеть хоть что – то, скрывающееся за блёклой поверхностью, подсвеченной снизу. Вдруг, фонари погасли сделав зеркало воды полностью чёрным, в ангаре же свет тут же ярко вспыхнул.

– Чувствуешь, как холодно? – Берт неся наши кейсы куда – то направлялся вдоль пирса.

– Скорее, сыро. До костей пробираться начинает.

– Это нормально. Вот декомпрессию пройдёте вообще замечать не будите.

Подойдя к экипировочной нише Роллан быстрым движением открыл её и повесил туда захваченный с собой ранец. Закрыв обратно створку он подошёл ближе.

– Теперь, идёмте.

Голоса раздавались отчётливо гулко. Эхо разлетавшимся веером билось о стенки помещения и тонуло в округлом зеве бассейна.

– Скажите, Роллан, а на какой мы глубине? – биохом поспешил за сопровождающим.

Тот остановился около неизвестной двери, обнажил панель управления справа и стал что – то молча набирать. Потом, удовлетворённо, с силой захлопнул её.

– На такой, которой вам ещё бывать не приходилось, – ответил он, прямо смотря на меня.

Из – за мощной переборки донёсся протяжный свист выпускаемого воздуха. Затем последовал короткий всхлип

со звуком влажного поцелуя. Постепенно открывающаяся дверь обнажала перед нами узкое пространство, что – то вроде кабинки малогабаритного лифта, с округлыми стенками. Как оказалось, это и была мобильная барокамера для доставки к ярусу, где находилась комната декомпрессии.

Меня начинала пробирать самое обычное раздражение к нашему сопровождающему. Этот Роллан был рядовым тудягой батинавтом – глубоководником, крепким парнем в не весьма опрятном виде. Его раздражительное нетерпение к чужакам и явно выраженная фобия по отношению к биокиберам возводило между нами очевидную стену неприязни. И с этим типом предстояло провести ещё три с половиной часа. Просто – необходимо!.. Надеюсь, у меня хватит достаточно сил и терпения вытерпеть положенный срок.

Скучая я стал строить обнадёживающие предположения, что в предстоящие полторы недели, мы не станем встречаться с ним намеренно, пытаюсь выяснять возникающие по ходу расследования какие – то новые подробности. Ну, по крайней мере, я. Как себя поведёт Берт, теперь было сложно ответить и мне. С его желанием до конца пройти загрузку и завершить «Мнемозину», определённого ничего нельзя было сказать. А что произойдёт с ним после? Каковыми станут сформировавшиеся процессы мышления и действий? А сгруппировавшиеся нейронно – мнемонические связи ещё нестабилизированного мозга биокибера могут преподнести множество сложностей и сюрпризов. Тем более, как ксено-

эколог, я стал строить догадки предполагая по поводу воздействия на Берта внешних факторов, таких как повышенное давление и влажность, присутствующие на Станции. Может этого и добивались ребята в лаборатории. А для большей надёжности эксперимента администрация Института всучила мне в придачу самого биохома, ясно осознавая будущее положение по окончанию Проекта.

Все эти нюансы скийчас не должны были меня беспокоить. Перво наперво стоило разобраться с гибелью дельфина. При этом как можно максимально отстраниться от той эмоциональной среды, которая превалировала на Станции. Совет я был способен ещё давать, но ни как не решать проблемы разобщения в коммуникативности весьма узкого коллектива.

4

Как ни странно, с начальником научной группы Генрихом Фаллада, мы познакомились лишь на вторые сутки нашего пребывания на «Медузе». Руководил же всей Станцией, заправляя её бытовыми и хозяйственными делами Филипп Мерсье. Такое странное разделение мне, откровенно, казалось непонятным и изумляющим фактом. Однако же, первым пришёл поприветствовать прибывших гостей Филипп, спустя семь часов нашего пребывания на объекте. Он быстро расставил все точки над «i»:

– Здесь всё предельно просто: Фаллада занимается чистой

наукой и изысканием. Мы же с Элин ему в этом активно помогаем. А ведь за всем уследить попросту невозможно. Вот и приходится брать на себя ответственность по поводу присмотра за порядком. Так сказать, боцман на «Медузе». На моём попечении ещё находятся наши батинавты. А Элин хозяйничает на камбузе и ответственна за весь рацион обитателей. Что правда, дежурить стараемся по очереди. Дельфины так же в её подчинении. У нас ведь всё как на настоящем судне – у каждого есть своё место и полная ответственность за это.

– Прекрасно, – этот человек быстро расположил меня к себе своей открытостью и доверием. – Значит, по всем организационным вопросам стоит обращаться лично к вам. Надеюсь вы сможете нам помочь.

– Постараюсь. Только если пожелания будут не слишком вычурными.

– Возможно, лишь, отчасти, – я сконфуженно смутился и заёрзал на неудобном небольшом кресле. – Дело всё в том, что «Медуза», являясь по сути научно – исследовательской Станцией, должна иметь необходимое оборудование для определённых опытных работ и экспериментов... Или хотя бы, часть такового.

– То есть, если я вас правильно понимаю, вас интересует некоторая техническая оснастка, а если говорить точнее, определённые агрегаты нашей лаборатории? – Филипп одобрительно улыбнулся и отклонился на спинку кресла.

– Совершенно точно, – восторженно начал я. – Вы, как нельзя, весьма проникательны.

– Давайте не станем останавливаться на частностях и неприкрытом подхалимаже...

– Вполне возможно, – быстро перебил его я, продолжая, – скорее, это будет имеет отношения к Элин. Ведь она заведует работой с афалинами.

– Элин? – морщины на лбу Мерсье сделались отчётливей. Скосив в сторону глаза, он задумчиво произнёс: – Конечно же, она не плохой ихтиолог, специалист по работе с дельфинами и хороший фельдшер – медиколог Станции.

Филипп всё ещё явно не выказывал ко мне никаких сомнений и первых подозрений. Это меня очень радовало и давало место для дальнейшего разговора.

– Вот и великолепно. Значит, её помощь окажется так же не лишней...

– Если вы предполагаете заняться апробацией некоторых теоретических методов, – он с определённой заинтересованностью смотрел на меня, – тогда вам стоит переговорить с Фалладой.

Ища лучшую формулировку ответа, я задумчиво помял губы:

– Скорее нет, чем – да. Видите ли, в чем сложность: мне уже сообщил один из ваших глубоководников, Роллан, что на Станции ждали лишь одного гостя. А прибыло, как можете убедиться, в два раза больше, – сожалеюще хохотнул я. –

Это биохом, биокйбер новой модификации. БР – 3, коротко, Берг. Он предназначен для специфической и особой работы. А для полноценного логико – аналитического функционала его мозга и всей биоорганической структуры тела необходим нейронно – синапсный стендовый комбайн, хотя бы среднего уровня, с ванной для погружения. И для этого нужен специалист, который непосредственно имеет с этим дело. Кандидатура Элин подходит как нельзя, лучше.

– Что – то подобное у нас точно должно быть. Ведь она всегда возиться с дельфинами помогая Генриху в его работе. Надеюсь, что всё получится и мы сможем выручить вас и вашего кйба, – чуть перегнувшись, Филипп, попытался рассмотреть занятого чтением Берга.

– А кстати, где они у вас находятся? Я имею ввиду – отряд афалинов...

– Здесь, на «Медузе»: в третьем корпусе, бытовой нижний сектор. Там есть небольшой бассейн, который они свободны покидать, когда хотят. Очень удобно для самих дельфинов.

– Скажите, Филипп, их ведь теперь у вас двое, после гибели Монаха?

Мерсье вдруг замолк. Его лицо тут же приобрело странную угрюмость и жёсткость.

– Это вам Гери рассказал? – размеренно спросил он. Не сложно было догадаться, что речь зашла о Роллане.

– Совсем нет. Сообщение о самоубийстве Монаха было получено ещё на Земле. Суть моей миссии и состоит именно

в том, чтобы выяснить его причины. Хотя бы первичные. А заодно, сделать небольшую инспекцию на Станции.

– Понятно! Значит Фаллада постарался. Всё никак не может поверить... – Прикрыв кулаком рот Филипп задумавшись приумолк. – Так что же вы намерены здесь искать?! И что, вообще, предполагаете обнаружить?!

– Пока не знаю. Мне ведь необходимы данные, а не факты. Я же не инспектор СБ, а обычный ксеноэколог. И не ищу особого криминала там, где его, скорее всего и нет, – попытался я вернуть к себе расположение Мерсье.

Он подёрнул бровями:

– Тогда, не особо утруждайте себя старанием. Именно оно вам ни сколько не поможет.

– Простите, Филипп, но вы говорите так, будто стараетесь предупредить.

– Вполне, возможно. Но только в том, – он немного склонился ко мне, говоря чуть тише, – чтобы вы стали сомневаться во всём. И в себе, в частности.

– Зачем?!

– На «Медузе», сомнение – лучший способ остаться самим собой, – он как – то удручённо опустил голову. Затем вновь постарался взглянуть на отмалчивающегося биокибера. – Ведь, вполне возможно, что всё может оказаться не таким, как оно есть на самом деле.

– И что сие значит?! – выдержав небольшую паузу спросил я. – В чём смысл подобной загадочности? Роллан так же

пытался говорить пространными полунамёками...

– Неужели?!

– Мне совершенно не хочется делать поспешных выводов, но слушая вас я начинаю подозревать, что Станцию постепенно охватывает параноидальный синдром.

– Не соглашусь с этим. Для подобных выводов нужны не просто основания, но и время, непосредственно проведённое на Станции. А ваши суждения, пока, не только поверхностны, но и весьма поспешны.

– Но они основаны на ваших словах и словах Гери.

– Зря! Это, как ни жаль, ошибочно и преждевременно. Эррарэ хуманум эст. Человеку свойственно... Цицерон.

Надо же, кто – то ещё был способен цитировать древних великих.

– Создаётся стойкое впечатление, что весь контингент на «Медузе», чего – то опасается. И боясь потерять это что – то вы упорно его прячете от чужих глаз.

– «Страх вовсе не в опасности, он в нас самих».

– Здесь стоит согласиться с вами, – ответил я, уже не в силах продолжать беседу в заданном Филиппом направлении. – Так нужно ли поддаваться мнимым тревогам, которых, скорее всего, и не существует?!

Мерсье быстро поднялся, лихо оправил свою куртку ба- тинавта и собрался было уходить.

– Я постараюсь сделать всё возможное по содействию в вашей просьбе. – Усамой двери выхода из небольшой каю-

ты он остановился на мгновение: – Состав дельфинов – афалинов у нас полностью укомплектован. И ничего трагически внештатного не происходило и не происходит.

С деликатной осторожно закрыв за собой дверь Филипп на удивление быстро стал удаляться по коридору.

– Ну, Берт?! Как тебе такое? Не успели мы с тобой сойти с корабля, как тут же попали в хитросплетения местных интриг.

– Совершенно ожидаемо, – биохом оторвался от своего занятия. – Привычная реакция испуганного человека, замечаящего предположительную угрозу буквально во всём.

– Интересно, неужели самые простые вопросы о суициде рабочего дельфина вызывают такие серьёзные подозрения? При этом Мерсье косвенно отвергает смерть Монаха. Довольно непонятно и настораживающе. Что же нас может ожидать дальше?

Я поднялся и подошёл к миниатюрному столу секретеру.

– Думаю, тебе не стоит об этом беспокоиться. Мы прибыли сюда, как работники Института и представители Управления Космических Поселений (УКП). Имея при этом, чёткие директивы задания и инструкции к исполнению. Остальное, всего лишь эмоциональные отклонения, рождаемые домыслами недосказанности.

– В идеале – то всё верно, – я задумчиво потёр подбородок. – Только не кажется ли тебе, что здесь слишком много таинственности для совершенно обычной станции?

– Может и так. Но согласись, стоит нам начать работать, постепенно разбираясь с происходящим, как всё станет более понятным и объяснимым с точки зрения разумности и здравого смысла.

– Думаешь, что на «Медузе» превалирует эффект синдрома всеобщего помешательства? И ничего активно дестабилизирующего нет?!

– Однозначно! Всё, скорее всего, прояснится очень банально. – Берт заинтересованно пересматривал какие – то пластиковые листы. – Макс, вот скажем, ты знал о том, что Станция находится на глубине около тысячи четырёхсот тридцати метров. А плотность воды в океанах Гекаты превышает полторы тысячи единиц. Соответственно, и вязкость её выше. Это не кисель, но всё же...

– К чему это сейчас?! Может займёмся подобными подробностями чуть позже?..

– А максимальная доступная глубина для вида афалин является чуть более трёхсот – четырёхсот метров. Ты понимаешь?! – не унимался Берт.

– Довольно интересная и интригующая информация. А главное – общедоступная! Но сейчас нам в первую очередь стоит представится самому начальнику «Медузы». Не кажется ли тебе, что пора уже вступать в официальные права инспекторных особ, чтоб не поддаться всеобщей паники паранойи.

Биокибер лишь одобрительно кивнул.

Собрав представительские документы и предписания от Управления, я в гордом одиночестве отправился на встречу с Генрихом Фаллада. К моему сожалению начальника Станции на месте не оказалось. Время местных суток уже всё ближе приближалось к полуночи, что стоило принимать во внимание, учитывая распределение рабочего и личного времени персонала. Факт довольно весомый, который оправдывал отсутствие Фаллады. Но закрытая дверь его каюты и полная тишина за ней немного настораживали. Хотя, вполне могло стать так, что он сейчас спал, находясь в объятиях весьма крепкого сна. Или, имел привычку принципиально не открывать во время отдыха, чтобы не происходило во вне его личного помещения. С сожалением поджав губы я степенно развернулся и отправился назад в общую с Бертом каюту.

Обратный путь занял у меня немало времени. Путаница в переплетении множества переходов и мелких тамбуров в интерьере «Медузы», который я не старался запоминать, удивительным образом вывела меня напрямиком в бытовой сектор с лабораториями. Говорить о собственной интуиции и находчивости не стоило. Ведь подобное происшествие с огромным трудом можно было назвать прозорливостью интуиции или уж совсем лихо, предрешённой случайностью.

Около одной из переборок с прямоугольной дверью ординаторской я остановился. На пластиковой обшивке был приклеен криво оборванный лист с текстом выписанным размашистым шрифтом: «Никого нет! Вход запрещён!!!». Прило-

жив ухо, я попытался услышать хоть что ни будь. Как и предполагалось, за дверью властвовало полное безмолвие. Тишина оказалась абсолютной и полной.

Резко открывшаяся дверь испугала меня. На пороге появился худощавый мужчина невысокого роста с остатками включенных волос на лысеющей голове. Их безумный вид более всего напомнил мне эксцентричный образ одного из сотрудников нашей лаборатории после двухсуточных стендовых испытаний. Выпученные глаза незнакомца с удивлением и нескрываемым подозрением глядели на меня. Отшатнувшись назад он закричал средним дискантом:

– Ты?! Кто ты такой? Как ты нашёл меня?! – он резко отклонился обратно и закрыл дверь. – Тебя ведь нет и быть не может!.. Убирайся!!

Такая реакция совершенно незнакомого мне человека шокировала меня и ввела в определённый ступор. Я боялся даже предполагать, что произошло только что, как всё это объяснить и не мог даже предположить, что мне стоит принимать дальше: попытаться уговорами и лояльными речами успокоить беднягу, попутно выясняя частности происшествия, либо оставив всё как есть, удалиться в свою каюту и дождавшись утра попытаться постепенно выяснить всё происходящее на Станции? Второй вариант виделся мне, как нельзя максимально простым, самым реальным и наиболее лучшим в данный момент.

Около пятнадцати минут я потратил только на то, чтоб

отыскать заветную комнату с флегматично спокойным биокбером. Берт без особого энтузиазма встретил мой приход, что – то попутно пытаюсь выведать. Буркнув раздражённо лишь одно единственное слово: «Завтра!», я не церемонясь с постелью упал на не застеленную кушетку и сразу же провалился в глубокий сон. В конце – то концов, после такого сумасшедшего дня, весьма насыщенного множеством событий, я имел полное право на долгожданный отдых!

5

Следующее утро на «Медузе» для меня выдалось не из лёгких.

Сонно раскрыв глаза и стараясь не отрывать головы от подушки, я медленно осмотрел каюту. Берта небыло, я был абсолютно один в небольшой комнате. Его отсутствие обеспокоило меня больше, чем вновь возникшая головная боль, проявлявшаяся свинцовой тяжестью под черепом. Выкрикивая его имя словно запропастившегося домашнего питомца, я всё ещё мнил глупую надежду, что биохом находится во встроенной нише душа бытового комплекса. Но тишина стала мне ответом на мои возгласы, придавая всё большее смятение и подозрительность.

Приняв наконец душ и переодевшись, я ощутил небольшой голод, который пытался соперничать с болью. Необходимо было найти столовую и основательно подкрепившись

выдвигаться на поиски пресловутого начальника Станции и медиколога «Медузы».

Вся здешняя обстановка мне уже совершенно не внушала той убеждённости в незначительности, которая была ещё на борту посадочного модуля. Когда я раз от раза прочитывая задание, пытался выстраивать предположения и возможности дальнейших действий в условиях Гекаты. Тогда мне казалось, что слишком ограничивающих сложностей в моей миссии возникать не должно. Теперь же я был растерян, если не сказать более – дестабилизирован. Ко всему ещё я прекрасно осознавал тот момент, что, чем больше продолжать своё нахождение на Станции, тем сильнее станешь запутываться в неразрешимых загадках местных происшествий и передряг.

Отыскав среди царящего на секретере беспорядка карточку предписания, я немного задержался у стола. Там находилась инструкция по безопасности для батинавтов, технические данные глубоководной станции «Медуза» с эвакуационной картой в придачу, и раскрытый бумажный экземпляр «Проблемы когнитивной нейробиологии морских млекопитающих. Размышление о истине» Эштеля. Зачем все эти нагромождения ненужного информационного материала понадобились Берту я с трудом пытался догадаться. Между длинных ножек секретера валялся разложенный вещевой кейс биохома, причём совершенно пустой. Чтож, скорее всего свою задачу окончания загрузок по проектной програм-

ме он решил выполнить полностью самостоятельно, без моей протекции перед Элин.

Забрав план Станции, я вышел в коридор и быстро сориентировавшись по карте направился к камбузу.

– Виктор?! – удивлённо донеслось за спиной.

По интонации становилось ясно, что голос принадлежал женщине, уже не юной особе, но ещё молодой. Обернувшись я увидел высокую темноволосую женщину с накинутым на рабочий комбинезон гидронавта белый поношенный халат медика. Признаться честно, выглядела она наверняка, симпатичной, но именно в данный момент явная озадаченность сменяла испуг.

– Вик... тор?! – женщина издали приглядывалась, хотя нас и разделяло всего каких – то метров десять. – Ты же... ты?!. Что ты тут делаешь?

– Простите?.. Боюсь ошибиться, но вы, кажется, Элен, медиколог этой станции?

Она подошла почти вплотную, всё более рассматривая моё лицо. И выглядело это как – то нагло и беззастенчиво, словно человек пытался найти во мне то, что он приметил лишь мельком и мгновение назад утерять безвозвратно.

– Что вы так внимательно рассматриваете меня? – растерянно спросил я.

Сузив глаза, женщина немного отклонилась.

– Максимилиан Ковальский, – женщина не спрашивала, а с твёрдой уверенностью утверждала. – Ксеноэколог и экс-

перт ИЭБ. Что, прибыли выяснять местные сплетни?!

Тембр её голоса изменился, став более спокойным с оттенком наглости.

Непонятная и совершенно внезапная ко мне антипатия весьма настораживала и удивляла. С чего бы так, вдруг, заводится при первой же встрече с незнакомым тебе человеком?

– Наверное, скорее, наоборот – получить данные и сделать аналитические выкладки для их уничтожения.

– Более глупой отговорки выдумать не смогли? – женщина обошла меня направляясь по коридору в том же направлении, что и я. – Ваш киб уже всё выложил мне о «важности визита откомандированной комиссии Института и УКП», и «необходимой помощи ей».

– Что ж, я рад, что Берт весьма оперативно справился. Причём – самостоятельно.

– С его потенциальными возможностями вам ещё предстоит столкнуться, уж поверьте... Идёмте. Вы, как я догадываюсь, направлялись за завтраком? – Она вновь зашагала вперёд, не дожидаясь меня. – У нас камбуз и столовая соединены вместе. Разработчики не слишком старались сделать «Медузу» комфортной ставя упор на урбанизацию и исследовательскую практичность.

– Пойдите, Элен!.. – мне пришлось буквально бежать, чтоб поравняться с ней в узком коридоре. – Ваш муж успел вам рассказать о нашей беседе, и о моей особой просьбе?

Женщина резко остановилась. Её пылающий взгляд угрожал испепелить меня до незначительной горки пепла.

– Мерсье мне не муж! И никогда им небыл.

– Сожалею...

– О том, что я не его жена?! Так он того не стоит... Моя фамилия Фергюсон. Прошу учесть это для дальнейшего нашего общения.

– Элен, вы слишком официально претенциозны. Я не хотел вас обидеть.

– Вы не обидели, – резко ответила она. – Просто... просто не говорите сейчас со мной о Филиппе. И постарайтесь меньше маячить у меня перед глазами.

– Однако, как я могу наблюдать, на Станции мало жалуют гостей. Прошло всего не более стандартных суток, а угрюмого неприятия и недобрых взглядов в мою сторону было уже предостаточно.

Элен нарочито громко засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.